

Однажды в лесу воины Олега схватили юную ворожею, красавицу Мару. Колдунья смогла умолить князя оставить ей жизнь взамен на верную службу. Юная Мара всем сердцем полюбила жестокого князя. Ее ворожба сделала его непобедимым. Он не проиграл ни одной битвы. Его воины брали города и разбивали войска, пали киевские вожди Аскольд и Дир, покорились племена северян, хазар и гордых древлян. Но когда влюбленная ведьма надоела князю, он велел ей оставить его. Словно вещь, бросил Мару, предав ее любовь. Олега в народе стали называть Вещим, но не ведал он о роковой ошибке, способной изменить его судьбу...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6087-0

9 786171 260870

Святослав Воевода

ОШИБКА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Святослав Воевода
**ОШИБКА
ВЕЩЕГО ОЛЕГА**

ОШИБКА
ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Святослав Воеводин

ОШИБКА
ВЕЩЕГО ОЛЕГА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В63

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IVANOVITCH*

ISBN 978-617-12-6087-0

- © Майдуков С. Г., 2019
- © Depositphotos.com / Aaron_ Amat, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава первая

Нежданно-негаданно

В княжеский терем набилось столько народу, что не пройти, не продохнуть. Олег, подобно всем окружающим, делал постное лицо, супился, а сам не мог дождаться, когда можно будет вырваться на простор и свежий воздух.

Он был самым молодым из присутствующих родичей новгородского князя. Ему было всего три года, когда Рюрик с братьями пришел в эти земли и стал править ими, но ему все еще чудилось, что, выглянув из окна, можно увидеть морские дали, а не скучную речку, теряющуюся в зелени лугов и лесов. Однако от родного языка он успел отвыкнуть, забыл свое прежнее имя Хельг и не называл князя ярлом, как это иногда делали старшие. Ему было двадцать. В таком возрасте память коротка, потому что жизнь впереди длинная и выглядит куда заманчивее того, что уже было.

«Когда уже это все закончится? — думал Олег нетерпеливо. — Надоело пуше горькой редьки».

Тем самым он как бы желал дяде преставиться поскорее, но на самом деле это было всего лишь инстинктивное стремление очутиться на свободе, подальше от фальшивой скорби и алчной ревности, которыми был пропитан здешний воздух. В предвкушении смерти князя Рюрика его покои были заполнены не только местной, но и приезжей знатью. Воеводы, старейшины, волхвы, бояре, купцы да и просто житые люди высокого рода набились в терем так плотно, что свечи угасали в их тяжелом дыхании, а приглушенные голоса жен

их и дочек шелестели, подобно осеннему дождю, который как зарядит с вечера, так не прекращается до утра.

Но пора дождей закончилась. Была зима. Самую темную и долгую ночь выбрал Рюрик для своего ухода.

Чтобы сдержать зевок, Олег стиснул зубы и натужно перекосил рот, обрамленный первой шелковистой порослью, которую разве что ребенок назвал бы бородой. В этот момент его окликнули, и он растерянно захлопал глазами. Великий князь Рюрик призывает? Почему вспомнил он про Олега в свой смертный час? Зачем призывает к себе племянника?

Разумеется, вслух эти вопросы не задавались. Олег молча двинулся следом за посланником, уверенно пробирающимся сквозь толпу. Оставалось лишь идти за ним, не отставая. Они пересекли расступившуюся толпу и стали подниматься по лестнице, слишком узкой для такого скопления людей. Только малая часть их состояла в родстве с Рюриком. Варяги растворились среди чуди, ильменей и кривичей, подобно тому, как сахар растворяется в воде, придавая ей совершенно новый вкус и не меняя ее внешне. Новгород лишь с виду казался тем же, каким был до того, как Рюрик взошел на престол и сел править, насаждая свою волю, свои порядки и законы. И, будучи его шурином, Олег не мог не испытывать гордости от осознания своей причастности к славному племени покорителей земель словенских.

Если кто стоял слишком вольно, мешая проходу, Олег таких намеренно задевал плечом или локтем, а то и давил отставленные ноги. Сонливость как рукой сняло. Что-то новое и неожиданное ожидало юношу в княжеской почивальне. Не стал бы Рюрик звать по пустякам, находясь на смертном одре. Это понимали все, и проход Олега сквозь толпу сопровождался приглушенным гулом, в котором уважение смешивалось с завистью.

Войдя в небольшую горницу перед опочивальной, он едва не задохнулся от густоты воздуха, настоящего на лечеб-

ных травах и отварах, которыми вот уже третий день пичкали Рюрика, надеясь поднять его на ноги. При виде Олега волхвы устремили на него уголья своих глаз и сблизили кудлатые головы, шушукаясь промеж собой. Стражи у двери скрестили копья перед gridнями, давая понять, что нужно подождать. Переборов желание распахнуть настежь единственное оконце, чтобы впустить свежий ветер, Олег стал ходить от стены к стене, пока не вспомнил, что точно так же ведет себя медведь, запертый в клетки. Тогда он сел на лавку подальше от волхвов, расставил ноги, уперся в них кулаками и горделиво выпрямил спину. Всем своим видом показывал Олег, что он не чета здешнему люду, отдавшемуся викингам без боя. Не только Новгород, но и Смоленск, и Муром, и Ростов признали власть Рюрика. Хотя в ту пору Олег мог пройти под конским брюхом не пригибаясь, он чувствовал себя причастным к великому завоеванию и смотрел на местных свысока, оставаясь в душе чужаком.

Дверь опочивальни открылась, выпуская заплаканную Эфанду с маленьким Ингором на руках. Новгородцы уже прозвали его Игорем, и, в отличие от Олега, ему было суждено вырасти, не помня запаха моря и парусов на далеком горизонте.

— Отходит, отходит, — прошептала она, уткнувшись лицом в плечо брата. — Тебя хочет видеть, Олег.

Она была Рюрику давнею и верною женою, и ей было обидно, что он решил разделить последние минуты не с нею, а с ее младшим братом.

Игорь молча и серьезно смотрел на Олега, пытаясь запихнуть в рот кулак целиком. Его редко видели плачущим. Даже голодный, он предпочитал сердито требовать сиську, а не жалобно выпрашивать ее. Потрепав его по реденьким льяняным волосикам, Олег вошел в опочивальню.

Рюрик был не жилец, это было видно по его восковому лицу с прозрачной, истончившейся кожей. Глаза запали,

приобретя влажный лихорадочный блеск. Он поднял желтый костлявый палец и поманил шурина, после чего указал ему на место рядом. Олег опустился на колени подле ложа и взял холодную руку свояка в свои ладони. Собственный порывистый жест смутил его, и он хотел было отпустить руку, но Рюрик не позволил, ухватившись за пальцы, как за спасительные соломинки.

— Это Вадимов сын убил меня, — прошептал он. — Никому ни слова, а то сбежит или новую смуту затеет.

— Вадимов сын? — переспросил Олег недоуменно. — Гостомысл? Ты же сам сказывал, что застудился, когда сани в Лугу провалились.

Слова эти были вызваны растерянностью. Не успел Олег произнести их все, как уже понял, что князь говорит правду. Вадим Хоробрый был новгородским воеводой и в свое время поднял бунт против пришлых злыдней, как он называл варягов. Рюрик тогда действовал быстро и решительно, утопив бунтовщиков в их собственной крови. Мало кто из заговорщиков удостоился заточения в темницу или смерти легкой, не мучительной и не позорной, и, уж конечно, это был не Вадим.

— Простуда моя от булата отравленного, — отвечал Рюрик, жарко дыша и роняя голову на подушку.

— Как это? — еще сильнее изумился Олег.

— Змея-изменщица меня коварством взяла. Девка красоты необыкновенной. Я ее в Ладоге присмотрел и на Подгорском зимовье поселил для утех во время охоты.

— Звать девку как?

— Забава. Только забавляться с нею недолго пришлось. Кинжалом меня в спину ударила, стерва. Рана пустяковая, да яд в нее попал. Нож отравленный оказался. В том Забава на дыбе призналась. Казнил ее и скорей домой, к знахарям. Не хотел, чтобы Эфанда про блуд мой прознала, вот и выдумал хворь...

Рюрик сообщал все это малыми порциями, делая частые передышки. Пока он замирал, собираясь с силами, Олег молчал, чтобы не сбивать его с мысли. Но один вопрос не давал ему покоя, и он спросил, когда рассказ подошел к концу:

— Откуда, батюшка, известно тебе, что злодейство Гостомысл задумал?

— Больше никому, — вздохнул Рюрик. — Пожалел злодейское семя, вот и пожинаю плоды. Ты мою ошибку исправь, Олег. Как помру, поезжай в Ладогу и изничтожь весь Вадимов род под корень.

Рюрик хотел сделать рубящий жест, но лишь уронил руку на одеяло. Желтизна ее была пугающей. Почитай, неделю Рюрик боролся со смертью, противопоставляя ей свою волю и жизненную силу, но теперь она брала свое и никто не мог помешать этому.

— Как же я заговорщиков одолею, когда у меня даже сотни своей нет? — нахмурился Олег.

— Все войско теперь твое. — Рюрик косо посмотрел из-под коричневого века. — Всю власть тебе отдаю.

— Мне?

— Тебе, Олег, тебе. Больше никому. — По вздоху князя можно было понять, что он не в восторге от собственного решения. — Братья мои, сам знаешь, давно почили...

По странному стечению обстоятельств Синеус и Трувор умерли почти одновременно, и никто точно не знал отчего. Просто однажды братьев Рюрика не стало, а сам он в дополнение к Новгороду получил Белоозеро и Изборск, увеличив свои владения втрое.

— Знаю, — коротко кивнул Олег.

— А другим власть доверять нельзя. — Рюрик говорил с трудом, однако пересиливал слабость, потому что не мог уйти, не сказав всего, что должен был. — Тогда жене моей и сыну не жить. А ты их любишь. Любишь ведь?

Ответ последовал не сразу. Только сейчас Олег начал понимать, что происходит. Рюрик поручал ему опеку над своим единственным наследником. Ближе Олега у него никого не осталось. Помри князь, и воеводы тотчас на престол полезут, сметая всех на своем пути. Затеют междоусобицу, Эфанду с Игорем либо удавят по-тихому, либо себе служить заставят. Олег же не желал зла ни сестре, ни племяннику. Ставя его наместником, Рюрик мог не опасаться за будущее своей семьи.

— Будь спокоен за Игоря и Эфанду, — произнес Олег твердо. — Оберегу и в обиду не дам.

— Это я и хотел от тебя услышать, — выдохнул Рюрик.

Его бескровные губы почти не шевелились, поэтому речь становилась все менее разборчивой, как у пьяного.

— Клянись, — пробормотал он. — Присягай на верность.

Олег в клятве своей был немногословен, но Рюрик большего не потребовал, потому что жизнь уходила из него с каждым мгновением, как вытекает брага из дырявого жбана.

— Возьми, — прошелестел он еле слышно.

Рука, скользнувшая под одеяло, вынырнула оттуда с пергаментом, перевязанным витым шнуром.

— Здесь все написано и моей печатью закреплено, — продолжал Рюрик, отдышавшись. — Свидетелями тому Богорад, Сигур и Братич. Призови и вознагради их, чтобы от слов своих не отреклись. И Гостомысла... Гостомысла найди.

— Найду, батюшка, — кивнул Олег, переборов искушение немедленно сорвать со свитка запечатанный шнур и заглянуть в написанное.

— Ингвара не обижай...

Рюрик перешел на родной, уже полузабытый язык и больше ничего путного изречь не смог. Помянул родителей, обещающая скорую встречу. Сказал, что холодно ему, попросил укрыть потеплее, но, когда Олег набросил на него медвежью шкуру с пола, стал жаловаться на духоту и тяжесть в груди.

Лицо его неожиданно похорошело, утратив желтушный оттенок. Разрумянился Рюрик, губы его молодо запылали, глаза засверкали.

— Ведите, — разрешил он кому-то, кого Олег не видел.

Приподнятые руки упали на постель. Румянец стал быстро сходить с запавших щек князя. Он еще смотрел вверх перед собой, но вряд ли что-то видел. Его ноздри на мгновение раздулись и, побелев, сузились, точно тронутые стужей. Олег почувствовал легкое движение воздуха, а потом пламенные языки светильников застыли в полной неподвижности. Олег зябко поежился. Впору было самому в шкуру кутаться. Вместо этого он подошел на затекших ногах к двери, распахнул ее и посмотрел на ожидающих его слова.

— Богорад, — окликнул он верховного волхва, — зайди. И пошли за Сигуром и Братичем.

— Ему лучше? — с надеждой спросила Эфанда, вставшая с лавки.

— Да, — ответил Олег коротко.

И разве это не было правдой?

Собрав возле смертного одра первого волхва, начальника стражи и воеводу, Олег показал им пергаментный свиток.

— Указ всем нам новую жизнь сулит, — сказал он. — Вы со мной?

В наступившей тишине казалось, что покойный Рюрик прислушивается, ожидая ответа приближенных.

— Молод ты очень, — сказал Богорад.

— Вот и хорошо, — сказал Олег. — Значит, помру не скоро. Вам троим это только на руку. При своих чинах останетесь.

— Мы чины от князя получили, — заметил Сигур.

Этим он давал понять, что рассчитывает на большее. Олег посмотрел на него холодно, как будто не двадцать лет прожил, а сорок, и успел узнать о людях гораздо больше, чем им того хотелось бы.

— Так не теряйте того, что имеете, — сказал он.

Лоб начальника стражи подернулся рябью задумчивых морщин. Воевода Братич сохранял невозмутимость.

— Ты, Олег, наставником при Игоре поставлен, — сказал он. — Сколько сроку у тебя? Три года? Пять? Эфанда княгиня. Посадит сына княжить, вот и все твоё правление.

— Она сестра моя. Как скажу, так и сделает.

— Старшая сестра, — напомнил Богорад, испытующе щурясь.

Олег открыл дверь и окликнул:

— Эфанда! Пойди сюда. Мальца оставь няньке.

Княгиня переступила порог, ахнула и пошатнулась. При виде мертвого супруга губы ее поползли в стороны, горло сжалось, не давая издать первый горестный вопль.

— погоди плакать, — строго сказал ей Олег. — Наплачешься еще. Сейчас решать надо.

— Что... — язык не сразу подчинился Эфанде. — Что решать?

— Как с Игорем быть, сестра. Мужа твоего убили. Теперь очередь преемника настала. Заговор зреет.

— Убили? — пролепетала княгиня. — Неправда твоя, брат. Горячка сокола моего сгубила.

Воевода и начальник стражи недоверчиво смотрели на Олега. Старый волхв тоже посмотрел на него, перевел взгляд на Эфанду и вновь уставился на ее брата. Что он сумел увидеть, что успел распознать, неизвестно, но сказано им было следующее:

— Правду Олег говорит. Кто не верит, может спину князя поглядеть. Нож вскользь прошел, но яд до печенок добрался и остальное сделал.

— Кто его? — слабо вскрикнула Эфанда.

— Сейчас речь не о том, — жестко произнес Олег. — Врагов у Рюрика хватало, и теперь они твои враги. Прежде чем дух испустить, он меня княжить поставил и слово с ме-

ня взял, что не дам вас в обиду. — Олег вонзил взгляд в слезящиеся глаза сестры. — Но если тебе такое решение не по нраву... — Он взял свиток в обе руки, давая понять, что готов порвать грамоту, не колеблясь. — Тогда правь сама и защищай Игоря тоже сама, сколько сил хватит. Прикажи только, и я уйду.

— Нет! — Эфанда вцепилась в его рукав, боясь отпустить хотя бы на шаг. — Останься, Олег!

— На престол сяду, — предупредил он.

— Садись, брат. Разве я против? Кто лучше тебя справится?

Прежде чем ответить, Олег многозначительно посмотрел на притихших воевод. Волхв тонко усмехнулся, пряча губы в бороде.

— Ты сказала, сестра, — торжественно заговорил Олег. — Я тебя услышал. Мы все тебя услышали. — Он показал пальцем на заострившийся профиль покойника. — Назад тебе ходу нет, чай не рак, чтобы пятиться. Почести за тобой сохранию, Игорь при мне в безопасности будет, не сомневайся. Как возмужает, земли ему отдам в правление. Вот тебе в этом моя порука.

Он выставил вперед руку, повернув ее ладонью кверху. Эфанда положила на нее свою руку, прослезившись. Она оплакивала и безвременную кончину мужа, и свои надежды на княжеский венец, но были среди этих горьких слез и слезы облегчения. Олег видел это и, успокаивающе хлопывая сестру по сгорбленной спине, приговаривал:

— Все будет хорошо, все будет хорошо.

Глава вторая

Погребение

Восхождение на престол состоялось через день после описанных выше событий. Сестре и приближенным Олег строго-настрого запретил болтать об истинных причинах гибели Рюрика. Тем не менее слухи, как водится, поползли, и Новгород притих, как природа затихает в преддверии бури. Все ждали казней и стычек между дружинами в борьбе за власть. Однако Олег с этим не спешил, как не спешил с погребальным обрядом — благо морозы стояли трескучие, так что можно было сколь угодно долго сохранять мертвое тело, держа его в выстуженной горнице.

Как только княжеский завет был слегка подправлен и переписан начисто, Олег скрепил его печаткой Рюрика и взошел на престол. Торжеств по этому поводу не было. Погребальная тризна тоже не проводилась. Плакальщиц во двор допустили, и они старались вовсю, но этим дело и ограничилось.

Когда на Олега возлагался венец, он в своей речи собранию пообещал расширять земли Новгородские, а потом добавил:

— Но сперва укреплю границы и города наши. Начну с Ладоги. Там Рюрик новую столицу замышлял, на нее его душа взирает с небес.

Много чего еще сказал Олег, но это была главная мысль, которую он хотел внушить собравшимся. Намеченная им поездка в Ладогу должна была выглядеть как обычное зна-

комство с владениями. До сих пор Олег бывал там лишь в раннем детстве, и все, что запомнил, — это могильные курганы по обоим берегам реки. Теперь предстояло провести в городище несколько дней, дабы усыпить бдительность потомков Вадима Хороброго. Про Гостислава Олегу удалось узнать крайне мало, но было заранее ясно, что сей муж отличается хитростью и осторожностью. Другой устроил бы на Рюрика засаду или подсыпал бы ему смертельного яду в кубок, чтобы покончить с ним разом. Гостислав оказался не таков. Если бы Рюрик не рассказал правду, то никто и никогда не связал бы царапину под его лопаткой с кончиной, наступившей несколько дней спустя. Он и сам мог не выведать этого, не допроси Забаву с пристрастием. Вряд ли Гостислав о том знал, а значит, пребывал в счастливом неведении. И все же действовать следовало без промедления, пока отсрочка погребения не насторожила заговорщиков.

Прибыл Олег в Ладогу с сотней ратников под началом Сигура. Дружины Братича меж тем на всякий случай скрытно подступили к городу, затаившись в окрестных деревнях и не выпуская оттуда никого, чтобы сохранить свое присутствие в тайне.

Ладожцы встретили нового князя с напускным подобострастием, нанесли ему даров столько, что в сундуках не уместишь. Были там и меха переливистые, и диковинные монеты со всего света, и золотые украшения любого вида, от луковиц до молоточков громовержца, а также драгоценные камни, кубки из горного хрусталя и еще множество всякой всячины.

Сердечно поблагодарив ладожцев за подношения, Олег призвал к себе Гостислава и молвил:

— Хочу тебе важное дело поручить. Справишься?

Ладожский воевода был молод, но выглядел намного старше князя благодаря окладистой черной бороде, оттенявшей его синие, как весеннее небо, глаза. Они смотрели

настороженно. Зрачки уменьшились до размеров двух крошечных точек.

— Какое дело? — спросил он, двинув смоляными бровями.

— Погребение князя Рюрика, — ответил Олег, доверительно понижая голос.

— Почему мне? — пожелал знать Гостислав.

Тут нужно было сыграть так, чтобы комар носа не подточил. Олег сделал значительное лицо, какое бывает у простофили, мнящего себя весьма проницательным и разумным.

— Я один был с князем в его смертный час, — сказал он. — Рюрик в бреду дважды твое имя произнес...

— Да?

Гостислав даже дышать перестал, ожидая продолжения. И оно не замедлило последовать.

— Да, воевода, — подтвердил Олег, кивая. — Я так понял, что промеж вами доверие было. Не зря же Рюрик без конца в Ладогу наведывался.

— А! — произнес Гостислав, постаравшись выпустить воздух из груди таким образом, чтобы не было заметно со стороны. — Но мы нечасто виделись. Разве что во время советов...

— Однако же чем-то ты ему приглянулся. Князь так и сказал: «Гостислав Ладожский». Думаю, неспроста это.

— Кто знает, кто знает. — Воевода опустил глаза, а потом резко поднял их, вглядываясь в лицо собеседника. — От чего же великий князь умер? Слухи разные ходят.

— Я слухам не верю и тебе не советую, — нахмурился Олег. — Горячка Рюрика сгубила. Сани под лед провалились, вот он и промок на морозе. Не спасли его ни снадобья знахарей, ни заговоры кудесников.

— Да, слышал я про то. Только сперва не верил. Рюрик ведь был здоровья железного.

— Никакое здоровье от смерти не уберезет.

— Что да, то да. — Гостислав сел в кресло, свободно развалив носы сафьяновых сапог для верховой езды. — Для

меня великая честь князя Новгородского в последний путь проводить. Где захоронение будет?

— Мы с сестрой рассудили, что лучшего места, чем в Подгорье, не сыскать, — сказал Олег. — Рюрик любил там охотиться. Пусть душа его приволью радуется.

— У нас под курганами...

Договорить воевода не успел.

— Совет уважил просьбу Эфанды, — перебил его Олег, вставая. — Бери сотню крепких ратников и поезжай прямо сегодня. Земля мерзлая, больших трудов требует. Подгорский посадник тебе место укажет. Это на другом берегу Луги-реки.

— Путь не близкий, — пробормотал Гостислав, размышляя над заданием.

— Поспешать надо, — сказал Олег. — Не медли, воевода. Могила просторная нужна, глубокая, чтобы рабы и лошади поместились, по нашему обычаю. Я распоряджусь гроб прислать и цепь золотую. Шатры поставь для меня и княгини с сыном. Сделаешь все как следует, приближу и возвышу. А если огорчишь, не видать тебе моей милости. — Олег небрежно пошевелил кистью. — Ну, поезжай, поезжай, воевода. Время не терпит.

Окончание приема окончательно убедило Гостомысла в том, что гость из Новгорода ничего не заподозрил. Поклонившись с приложенной к сердцу ладонью, молодой воевода стал собираться в путь. Могила была выкопана, дрова и камни для кургана заготовлены, шатры поставлены. На третье утро через замерзшую Лугу прибыла дружина Братича. Новгородский воевода спешил и пошел смотреть могильник.

— Зачем ратников так много? — спросил Гостомысл, зябко потирая руки. — Я такую уйму народа не размещу.

— И не надо, — сказал Братич. — Ночевка не предвидится. Вот дождемся князя и начнем.

Олег прискакал в окружении стражников Сигура, намного опередив обоз с гробом Рюрика. Под распахнутой шубой поблескивали латы. Гостомыслу это не понравилось. Он вдруг понял, что находится в полутора верстах от Ладоги с сотней дружинников, захвативших с собой больше лопат и заступов, чем оружия. Кольчуги, чтобы не мешали копать и не охлаждали тело в стужу, оставили дома.

— Ну, воевода, хвастайся, — сказал Олег, не спеша спрыгивать с дымящегося белого коня. — Все ли удалось тебе?

— Пойдем, покажу, — предложил Гостислав.

— А чего глядеть? Яма, она и есть яма. Ляжешь в нее, уже не поднимешься.

Произнеся эти слова, Олег улыбнулся, но не весело, а зло, и так поглядел, что рука Гостомысла сама собой легла на рукоять меча.

Сигур, стоявший рядом, тотчас положил сверху свою тяжелую ладонь и придавил.

— Не гоношись, паря, — предупредил он.

Гостислав дернулся было бежать. Ему не позволили стражники, удержав на месте.

Олег поднялся в стремях и провозгласил, пуская клубы пара:

— Ратники ладожские! Кто хочет, с воеводой своим оставайтесь, кто хочет, может домой возвращаться.

Жилы на шее Гостислава надулись, когда он крикнул:

— Не верьте князьку, ребяташки! Он вас рассеять хочет и перебить поодиночке.

Его дружинники, переглядываясь и гомоня, стали сбиваться в кучу, теснимые со всех сторон конниками с выставленными копьями. Так могли бы выглядеть овцы, окруженные волчьей стаей. Какой-то лихой десятник попробовал махать мечом и был проткнут сразу тремя наконечниками. Пуская алую кровь изо рта, он о чем-то просил соратников,

к чему-то их призывал, но на деле получалось одно только неразборчивое бульканье.

— Уходите кто хочет, — повторил Олег. — Бросайте оружие и айда.

— Что вам дома скажут? — надрывался Гостислав. — Думаете, простят предателей? А вот и нет. Вздернут всех, помяните мое слово.

Все его выслушали, но мало кто послушался. В подавляющем большинстве ладожцы кидали мечи и секиры на снег, торопливо запрыгивали в седла и спешили выбраться из окружения. С воеводою осталось одиннадцать воинов. Кто из верности, кто из упрямства, кто из страха перед последствиями. Все они были вооружены и зыркали по сторонам из-под войлочных подшлемников.

По приказу Братича новгородцы составили щиты, поднажали и сбросили кучку ладожцев в вырытую для Рюрика могилу. Гостислав понял, что тайное стало явным, а значит, настал его смертный час. Не побледнел он, не поник головою, а расправил плечи и выпятил черную бороду.

— Я отомстил за отца! — выкрикнул он, глядя снизу синими очами. — А ты, князь, душегубством занимаешься. Отпусти людей моих. В чем их вина?

— Они свой выбор сделали, нечего теперь пенять, — спокойно произнес Олег. — Храбрость уважаю, глупость — нет. Кончайте их.

В могилу полетели стрелы, посыпались булыжники. Не прекратились еще шевеление и стенание, как на упавших в яму опустили тяжелый княжеский гроб на цепях. Сверху навалили столько камней и земли, что поднялся холм в двенадцать сажень, и так широк он был, что пятьдесят ратников, взявшись за руки, не смогли бы его охватить.

Слез не было, потому что женщинам не полагалось присутствовать на воинском погребении. Мужчины постояли без шапок и поехали вино пить за упокой Рюриковой души.

Сигур некоторое время молча сопровождал нового князя, а потом повернулся к нему и спросил, покачиваясь в седле:

— Зачем было так далеко ехать, князь? Можно было в Ладого управиться.

Олег ответил не сразу. Начальнику стражи совсем не обязательно было знать истинную причину. Рюрик свое отжил, и пришло время предать его забвению. Память о предшественниках отбрасывает тень на их преемников. Олегу не хотелось, чтобы его сравнивали с великим князем. Он сам хотел быть великим.

— В Ладого по-тихому не получилось бы, Сигур, — произнес он. — Там пришлось бы бой вести и осаду. А так мы обошлись малой кровью, да еще и чужой. Разве не в том долг правителя?

— Правда твоя, князь, — согласился Сигур.

По лицу его было видно, что сам он до этого не додумался. «Дурак, — решил для себя Олег. — Вот и хорошо. Глупый князь себя умными людьми вынужден окружать, они же этим и пользуются, потому что умны. А мне дураков достаточно. Пусть волю мою исполняют, большего от них не требуется».

Кони их шли рядом, обратив друг к другу морды. Взгляды седоков были устремлены вдаль. Снег скрипел и хрустел под копытами, холодное солнце висело в бледном небе, горизонты были скрыты туманами.

«Так и будущее наше, — подумал Олег. — Видим лишь только то, что вблизи, остальное нам неизвестно. Но если направление знаешь, то это не страшно. Все откроется в свое время».

Подозвав Братича, Олег сказал:

— До весны снаряди войско, так чтобы посуху сразу можно было в поход выступить.

— Дело говоришь, князь, — одобрил воевода. — Дружны нельзя долго без войны держать. Баловать начинают,

брагу варят, по девкам бегают, даже на большую дорогу, случается, выходят.

— Вот и займи их, — сказал Олег. — Не давай сидеть сложа руки. Не найдешь ратных занятий, пусть подруги чинят да снег разгребают. Твои тысячи сердцем вóйска станут, Братич. Почет особый, но и спрос особый тоже.

— Куда пойдём, князь? — деловито спросил Братич. — Уж не на бодричей ли? Или финнов лесных копьями пощечочем?

— Там поглядим.

Обрывая разговор, Олег ударил Златогрива каблуками и поехал вперед. На самом деле решение уже было принято. Весной Олег собирался двинуть дружины к Днепру и пройти вниз по течению сколько получится. Захвативший водный путь в богатую Грецию и славную Византию получит контроль над всеми проплывающими по реке товарами. Если не разорять купцов и разумно распоряжаться добычей, можно будет увеличить войско и двинуть еще дальше.

Между ушей своего коня Олег видел всю ту же мгlistую пелену, но перед мысленным взором стоял сказочный Царьград с золотыми башнями и серебряными мостами. Константинополь — так называют этот город в тех краях. Олег там никогда не бывал, но твердо знал, что будет.

Он выбрал свой путь.

Глава третья

Вкус власти

Нрежде чем отправиться в поход, Олег решил укрепить Новгород, чтобы тот не был захвачен в его отсутствие. Он взялся за дело, как только сошел снег. Собрав всех воевод, Олег проехал с ними вдоль крепостных стен, выспрашивая, какие слабые места видят они и где пошли бы на приступ, если бы брали город.

Картина сложилась неблагоприятная. Рюрик принял Новгород в том виде, в котором тот был возведен изначально, а здешние племена мало смыслили в военном деле и строительстве. Крепостной вал был сложен из бревенчатых клетей, заполненных землей. Частично они сгнили, частично просели, и там образовались осыпи и промоины, грозящие разрушить ограду. По сути, подобравшись к дегтинцу в таких местах, можно было без труда опрокинуть частокол и ворваться внутрь. Вдобавок к этому окрестные жители и дружинники проделали в стене множество лазов и подкопов, чтобы беспрепятственно шнырять в обе стороны по своим надобностям.

— Бреши заделать, — велел Олег. — Дозорных на башнях предупредить: кто не уследит за ползунами, того казнят без жалости. Пустить вокруг города конников, чтобы днем и ночью в оба глаза смотрели. Валы срыть, старые бревна в растопку отдать. Для новых насыпей использовать ошкуренный дубняк. Клетки заваливать не землей, а камнями, бревна укладывать не вдоль, а поперек.

— Стены надо бы повыше, — заметил Верходуй.

— Это непременно, — согласился Олег. — Но старые сносите частями, а в основание новых тоже валуны укладывайте.

Отдав еще несколько дельных распоряжений, Олег пустил Златогрива вскачь к дороге, по которой двигалась колонна ратников. Воеводы и их сотни, пришпорив коней, помчались следом.

Вот уже второй месяц по указу Олега в Новгород сходились дружины, присылаемые из разных краев княжества. И всякий раз его и воевод ждало разочарование. Наместники упорно не желали расставаться с опытными и достойно снаряженными ратниками и отправляли в Новгород всякий сброд, вооруженный кое-как и ничему не обученный. Это выводило Олега из себя. Приближалось время походов, а войско его наполовину состояло из ополченцев, не умевших держать меч и пускавших стрелы по ветру, как мальчишки. Ковать для них шлемы, кольчуги и щиты было некогда, да и не имело смысла. Всем этим никчемным смердам предстояло погибнуть в первом же бою.

— Если юрьевские никудышные окажутся, то заверну обратно, а посад их разорю в назидание прочим, — пообещал Олег сквозь зубы, обращаясь к коню, а не к воеводам.

Златогрив был ему милее всех на свете. Он служил князю на совесть, и с его стороны можно было не опасаться измены. Рослый, с большими мохнатыми копытами, мощной грудью и высоким крупом, конь обгонял на скачках тонконогих жеребцов и легких степных кобылиц. Его пригнали жеребенком из норманнских земель и отдали Олегу, когда решили, что стригунок сломал ногу в пути. Оказалось, что это вывих. Олег собственноручно выстругал из липы дощечки, в которые упрятал поврежденную бабку, чтобы заживала. Златогрив оценил заботу и относился к хозяину, как к богу Велесу в человеческом облике. Иногда казалось,

что он понимает речь Олега... вернее, редки были случаи, когда этого не происходило. Вот и сейчас, стелясь под хозяином, конь шумно фыркал и раздувал ноздри, выражая тем самым негодование по отношению к отряду.

— Чьи будете? — спросил Олег, натягивая поводья.

Златогрив зарылся передними копытами в придорожную грязь и остановился, но не раньше, чем толкнул грудью коня незнакомого воеводы.

Тот, оценив богатый наряд Олега, пурпурный плащ и шапку с орлиным пером, признал за ним главенство и ответил:

— Кривичей веду. Я Словен из Изборской земли. Две тысячи ратников со мной.

Не представившись, Олег проехал вдоль колонны, резко развернул коня и вернулся обратно. Его разбирала такая злость, что рука так и просилась отхлестать Словена плетью при всех.

— Ты скот на убой ведешь или войско? — прошипел он. — Почему дружинники не в железе, а в коже драной? Почему щиты не у всех? Где их шлемы?

Воевода кривичей заметил состояние князя, но не дрогнул, а отвечал спокойно, не отводя взгляд:

— Чем богаты, тем и рады. А оружие и доспехи в сражении добудем.

— Как добывать собираетесь? — насмешливо спросил подъехавший Братич. — Голыми руками? Порубят вас в капусту, вот и весь сказ.

— Многие пытались, — отвечал Словен, — да никому пока не удалось. На чужую силу у нас умение имеется.

— Поглядим, — ухмыльнулся Верходуй презрительно.

— Да хоть сейчас гляди, — сказал предводитель кривичей.

Выражение его лица не изменилось, но взгляд сделался другим, жестким и упрямым. Олегу это понравилось. Однако, несмотря на молодость лет, он привык проверять свои впечатления.

— Что же вы раньше оружием и латами не обзавелись, коли такие грозные? — осведомился он, уперев кулак в бок.

Златогрив, будто уловив насмешку в голосе хозяина, помотал головой и заржал, скаля длинные желтые зубы.

В рядах княжеской свиты тоже слышались смешки. На щеках Словена проступили маковые пятна, а на лбу развилка синих вен.

— Оружие мы не раз в бою брали, — молвил он, обводя взглядом смеющиеся лица. — Только лучшее, что было, пришлось дома оставить, чтобы было там чем от врага отбиваться. То балты лезут, то прусаки, то все вместе. Кто-то же должен давать им отпор.

Ответ Олегу понравился, потому что был честен. Другие воеводы, приведшие плохо снаряженные дружины, имели обыкновение отпираться, юлить и ссылаться на бедность. Словен сказал все, как оно есть. Олег не мог не признать его правоты. Теперь ему стала понятна прижимистость союзников, и она перестала вызывать гнев. Но отвага, проявленная кривичем, вызывала не только уважение, но и дух соперничества.

— Умением не хвалятся, его показывают, — изрек Олег как бы между прочим.

Щеки Словена запылали еще сильнее.

— А ты проверь, князь, — дерзко сказал он.

— Вот и проверю, — кивнул Олег. — Ловлю тебя на слове, воевода. Отбери полсотни лучших конников. Мы против тебя столько же выставим. Посмотрим, чья возьмет.

— Нет, князь, — покачал головой Словен. — Нельзя кровопролитие промеж своими затевать. Людей ради потехи губить? Я не согласен.

— Экий ты дурак, братец, — с удовольствием проговорил Олег. — Разве ж я сказал им насмерть драться? Ратники оружие здесь оставят, а сами бороться станут. Кто кого из седел вышибет, тот и победитель.

Воеводы загудели, предвкушая лихую воинскую забаву. Братич вызвался лично возглавить своих ратников. Ему противостоял Словен, уже расстегивающий ремни, чтобы отдать оруженосцу меч, булаву и ножи.

— Кулаки в ход не пускать, — предупредил Олег, сведя воевод по обе руки от себя. — Упавших конями не топтать. Ауловки и хитрости не возбраняются. Передайте слова мои ратникам и начинайте.

Оба отряда съехали с дороги на луг, где выстроились друг напротив друга. Земля, еще не до конца впитавшая талые воды, брызгала и хлюпала под переступающими лошадиными ногами. Кривичи растянулись редкой цепью в длину. Подметив это, Братич молодецки свистнул, собирая ватагу вокруг себя. Получился кулак, которым он задумал с налету пробить строй, чтобы разъединить соперников и погнать по полю в разные стороны, вышибая из седла по одному.

— Толково, — заметил Олег, предвкушая скорый разгром чужаков.

— Просчитался Братич, — возразил Верходуй. — Сам голову в пасть сует.

— Где ты пасть увидел?

— А вот погоди, князь.

Очень скоро Олегу довелось убедиться в правоте опытного воина. По мере того как конники Братича скакали вперед, строй кривичей подавался назад и в стороны, а потом, повинуясь приказу Словена, они внезапно сомкнулись в кольцо, обступив нападающих. Не прошло и пяти минут, как половина новгородцев очутилась на земле, выдернутая из седел за плащи или выбитая внезапным наскоком. Дружинники, вырвавшиеся из окружения, метались по зеленому лугу, не имея общего плана действий.

Охрипшего от выкриков Братича зажали в клещи и принялись раскачивать из стороны в сторону, пока не свалили воеводу наземь. Сапог его запутался в стремени скачущего

коня, и он, теряя доспехи и остатки достоинства, поволочился по лужам и кротовым норам. Дело могло кончиться вывихами и даже переломами, но Словен бросился на помощь и остановил разгоряченного коня, схватив того под уздцы.

Пока Олег наблюдал за этой сценой, разгром его дружинников завершился. Пристыженные, они старались обратить все в шутку, смеясь вместе с победителями, однако были среди них и такие, кто ругался или грозил отмщением. Двое или трое вообще были готовы кинуться на кривичей с кулаками, особенно после того как Братич оттолкнул Словена, помогавшего ему подняться на ноги.

Олег и сам чувствовал сильное желание как-то поквитаться за поражение, но разум говорил, что его княжеский долг состоит в том, чтобы примирить обе стороны и не позволить неприязни поселиться в душах воинов, которым вскорости предстояло сражаться вместе, плечом к плечу.

Подозвав обе ватаги, он обратился к ним, повысив голос так, чтобы всем дружинникам было слышно.

— В том, что вы проиграли, — сказал он новгородцам, — нет ничего зазорного. Но умный извлекает урок из своих промахов, а дурень повторяет их снова и снова. Смелость ваша ни у кого не вызывает сомнений, теперь наберитесь еще и осмотрительности, тогда не будет вам равных на поле боя.

После этого Олег повернулся в сторону Словена и его дружинников:

— Вы, братья, не только хитрость свою показали, но и сплоченность похвальную. Вот только зазнаваться не надо. Забавы — забавами, а в бой мы все вместе пойдем, не различая, кто откуда родом и какого племени. А посему...

Олег сел прямо, чтобы его одинаково хорошо видели и слышали обе дружины. Его молодое свежее лицо сделалось красивым и вдохновенным.

— Скоро вниз по Днепру пойдем, а там через море переправимся и Царьград возьмем со всеми его богатствами неопишескими. Но на пути у нас Киев встанет, так что сперва его одолеть придется. Там изменники сидят, Аскольд и Дир, которых покойный князь на покорение Царьграда двинул. Пойти-то они пошли, да в Киеве подзадержались, так что по сей день там сидят, потеряв стыд и совесть. Надо им напомнить, кто они, откуда и зачем...

Сбивчивая, но пламенная речь вызвала одобрителный рев у внимающих ему дружинников. Война была их образом жизни, и хотя на привале или после кровавой сечи каждый жаловался на свою долю и порывался вернуться в родное селение, на самом деле таких охотников среди ратников было мало. Их труд был опасен, но не так тяжел, как у землешцев, камнетесов, лесорубов и даже промысловиков или ремесленников. Выходить на поле брани доводилось не так уж часто. В перерывах между сражениями и осадами дружины ходили с походами, используя при этом возможность и поесть сытно, и чужих баб поиметь, и обогатиться. Мысль о том, чтобы пограбить Киев и легендарный Царьград, окрыляла этих молодых, сильных, честолюбивых мужчин. Поход означал гибель одним и праздник другим. Но каждый считал себя удачливее прочих и полагал, что его-то смерть уж точно минует.

В какой-то миг Олегу представилось, что вся эта масса народу, которую он видит перед собой, навалена мертвою зловонною кучею, что улыбаются ему черепные оскалы и взирают на него не глаза, а пустые глазницы. Стало тягостно и страшно при мысли об этих тысячах и многих других, которые сложат головы по его приказу, добывая ему честь и славу. Захотелось вдруг отречься от венца и бежать, пока не поздно, пока не нагородил он горы трупов.

Словно чуя смятение, охватившее хозяина, Златогрив повернул свою большую красивую голову. Настроение

Олега резко переменилось. Он устыдился своих мыслей и минутной слабости. Закончив речь призывом сложить головы за родную землю, он с облегчением оставил войска и поскакал в город.

Когда он, умытый и причесанный, приготовился спуститься в пиршественную палату, чтобы разделить ужин с приезжими и своими воеводами, в дверь несмело постучали и стражник доложил о том, что княгиня Эфанда испрашивает разрешения предстать перед светлыми очами брата. Олег велел впустить ее. Сестра явилась не одна, а с Игорем на руках. Было видно, что нести сына ей тяжело. Он уродился мелким, но потом быстро добрал в весе и росте.

Олег забрал племянника, подбросил до потолка, повертел, покачал и вернул, хохочущего, сестре.

— Богатырь растет, — похвалил он. — Скоро можно будет на коня сажать.

— Правда твоя, братец, — заговорила Эфанда приторным и почему-то веселым голосом, хотя ничего радостного поведано не было. — Будущий князь ведь. Ему быть слабым не к лицу.

— Рано о троне говорить, — отрезал Олег. — Чтобы земли раздавать, их вначале завоевать надобно.

— Сказывают, ты на Киев собрался?

— Вот прикажу некоторым языки отрубить, чтобы лишнего не болтали!

— Не сердчай, брат. Молва всегда впереди дел идет.

Голосок Эфанды сделался еще слаще, заставив Олега взглянуть на нее с подозрительным прищуром.

— Ты чего пришла? — спросил он резко. — Если есть что сказать, говори. Некогда мне.

Сестра заморгала часто, придав лицу умильно-благодное выражение, и начала намеками подводить брата к мысли, что ему-де лучше будет Киевом править, а она, Эфанда,

останется с Игорем за Новгородом присматривать. Нужны ей для этого грамота княжеская и печать, а уж порядок она в городе обеспечит, пусть Олег не сомневается.

Он слушал ее, слушал, а потом произнес вкрадчиво:

— Я вижу, сестра, ты наш уговор помаленьку забывать начала. Так я тебе напомню. Покуда я жив, о престоле не мечтай и даже не заикайся. Учти, я этого не потерплю. Не приходи ко мне больше с такими просьбами, не то пожалеешь.

Маленький Игорь, услышав грозный тон, сморщился и на всякий случай заплакал. Олег его успокаивать не стал, смотрел холодным взглядом и ждал, когда сестра уйдет. В этот момент она осознала, насколько сильно и необратимо изменился ее младший брат. Он был преисполнен власти и ни с кем не собирался делить ее. Пытаться переубедить его было все равно что надеяться договориться с волком.

Подхватив сына, Эфанда поспешила покинуть покои.

Глава четвертая

В поход!

Аето разгоралось быстро, как правильно сложенный костер. С каждым днем становилось все жарче, все зеленее. Закаты подолгу пламенели на небосклоне, сопротивляясь ночному мраку. Утренние зори вспыхивали рано, торопясь возвестить о новом восхождении солнца.

Войско было готово к походу. Ремонт детинца закончился. Старые колодцы были очищены, а новые вырыты. Запасов пищи хватало, чтобы выдержать несколько месяцев осады. Охранять Новгород оставалось две тысячи воинов, имевших опыт в защите крепостей. И все же смутная тревога грызла сердце Олега, не позволяя ему с легким сердцем устремиться к намеченной цели.

Воеводы, видя его нерешительность, начали роптать. Уже не один и не два взяли на себя смелость указать князю на недопустимость промедления. Поход следовало закончить до наступления зимы, которая не только затрудняла дальние походы, но и делала их невозможными. Метели, глубокий снег и голод губили войска и поболее новгородских. Олег вел к Днепру двадцатитысячную рать, а такая уйма народу не могла обойтись без тяжело нагруженных обозов, провианта, фуража, осадных орудий и табуна сменных лошадей. Увязни все это в осенней распутице или в зимних снегах, и всем завоеваниям конец. Дружины разбредутся во все стороны, ища себе приют и пропитание, и много сил и времени уйдет на наведение порядка.

Олег понимал все это и не наказывал приближенных за упреки, но продолжал сидеть в Новгороде. Он не знал, как поступить с сестрой. Заключать ее в темницу не хотелось, высылать в глушь тоже. В их жилах текла одна кровь, и Олег не забыл своих детских забав с Эфандой. Понять всю глубину его чувств способен лишь тот мужчина, у которого в детстве была старшая, почти взрослая и очень красивая сестра. Их связывали не только воспоминания, но и любовь, принимавшая подчас довольно странные формы.

А вот доверия к сестре у Олега не было. Он почти не сомневался, что в его отсутствие она спутается с кем-нибудь из местной знати, поддастся уговорам и решится возвести Игоря на престол. В этом начинании ее поддержат многие, надеясь возвыситься во время смуты. Это означало кровавую междоусобицу и вынужденный отказ от похода за море. Могло закончиться противостояние и потерей Новгорода. И все из-за упрямства глупой, честолюбивой бабы. Нет, допустить этого никак было нельзя.

Решение, как это часто бывает, пришло внезапно. Наш разум решает поставленные перед ним задачи даже в те моменты, когда сами мы заняты совсем другими делами и работами. Это происходит как бы само собой, как дыхание или пищеварение. Главное — не вмешиваться в подобные процессы, чтобы не навредить. Именно так Олег и поступил, и в одно прекрасное утро проснулся с точным знанием того, что ему следует сделать с Эфандой и Игорем.

Позавтракав вместе с ними, он подозвал племянника, посадил на колени, потрепал по мягким светлым вихрам и спросил:

— Тебе сколько годков, Игореша?

— Вот сколько, — ответил мальчик, выставляя четыре пальца.

— Большой какой, — произнес Олег с той фальшивостью, которая присуща взрослым, редко общающимся с детьми.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая.....	14
Глава третья	22
Глава четвертая.....	31
Глава пятая	39
Глава шестая	48
Глава седьмая	57
Глава восьмая	66
Глава девятая	76
Глава десятая	84
Глава одиннадцатая	90
Глава двенадцатая	97
Глава тринадцатая	107
Глава четырнадцатая	118
Глава пятнадцатая	128
Глава шестнадцатая.....	137
Глава семнадцатая.....	148
Глава восемнадцатая	159
Глава девятнадцатая.....	169
Глава двадцатая	179
Глава двадцать первая	186
Глава двадцать вторая	194

Глава двадцать третья.....	204
Глава двадцать четвертая	212
Глава двадцать пятая	222
Глава двадцать шестая.....	232
Глава двадцать седьмая	241

Літературно-художнє видання

ВОЄВОДИН Святослав
Помилка Віщого Олега

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 01.07.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 4500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВОЕВОДИН Святослав
Ошибка Вещего Олега

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Newton». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 4500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Одного разу в лісі воїни Олега схопили юну ворожку, красуню Мару. Чарівниця змогла вблагати князя лишити їй життя взамін на вірну службу. Юна Мара всім серцем покохала жорстокого князя. Її чари зробили його непереможним. Він не програв жодної битви. Його воїни брали міста та розбивали війська, їм упокорилися племена сіверян, хозар і гордых древлян. Але коли закохана відьма набридла князеві, він звелів їй облишити його. Наче річ, кинув Мару, зрадивши її кохання. Олега в народі стали називати Віщим, та не видав він про фатальну помилку, здатну змінити його долю...

Воеводин С.

В63 Ошибка Вещего Олега : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-6087-0

Однажды в лесу воины Олега схватили юную ворожею, красавицу Мару. Колдунья смогла умолиить князя оставить ей жизнь взамен на верную службу. Юная Мара всем сердцем полюбила жестокого князя. Ее чары сделали его непобедимым. Он не проиграл ни одной битвы. Его воины брали города и разбивали войска, им покорились племена северян, хазар и гордых древлян. Но когда влюбленная ведьма надоела князю, он велел ей оставить его. Словно вещь, бросил Мару, предав ее любовь. Олега в народе стали называть Вещим, но не ведал он о роковой ошибке, способной изменить его судьбу...

УДК 821.161.1(477)

Святослав Воеводин

ГОРИСЛАВА НЕВЕНЧАННАЯ ЖЕНА

Он ворвался в ее дом с огнем и мечом, уничтожил семью и силой взял ее в жены. Он — Владимир Святославович, жестокий властитель и беспощадный враг. Она — Рогнеда, знатная и прекрасная дочь полоцкого князя. Та, у которой отняли все, даже имя. Горислава — так нарек деву Владимир. Он сделал все, чтобы она не досталась его брату Ярополку. Но, взяв силой тело Гориславы, он не смог завладеть ее сердцем. Все, что осталось Гориславе, — это месть и... любовь.

Когда-то старец-колдун предсказал юной Ярославне замужество, корону, смерть и новое рождение. Отвергнутая германским королем Генрихом III княжна обрезает косу, не боясь ни гнева отца, ни осуждения киевлян или послов французского короля Генриха I, за которого ее просватали. Ярославна достойно встречает свиту будущего мужа. Один лишь взгляд этой гордой и непокорной девушки пробудил в сердце графа Рауля де Валуа неведомые ему дотоле чувства. Но она — будущая королева Франции. Та, что должна подарить королю наследника. И пусть ей противен старый Генрих, государственные дела превыше чувств. Юная княжна должна отказаться от любви к графу. Но Рауль не хочет терять ту, ради которой готов сразиться с самим королем и восстать против целого мира...

После гибели любимого мужа, князя Игоря, Ольга желала одного — мести древлянам. Жажда расплаты и крови поглотила ее. Княгиня и не догадывалась, как сильно полюбил ее верный воин Ясмуд. Он почти заменил отца маленькому Святославу. Шли годы, княжич возмужал, прослыл могучим и беспощадным воином. Тем временем император Константинополя именовал Ольгу правительницей Руси. Да только Святославу, жаждущему власти, не по душе такое покровительство. Он хочет править единолично, избавившись от Ольги. Но на пути у княжича встанет верный Ясмуд...

